

Федерализм и цивилизационно-имперская парадигма развития России

© Ю.Д. Гранин

Институт философии РАН, Москва, 109240, Россия

Проанализированы базовые принципы федерализма и основные этапы трансформации государственного устройства Российской Федерации (1992–2022). За этот период страна эволюционировала от модели «кооперативного федерализма» (т. е. «договорной федерации») к модели «централизованной федерации». Эту модель не следует рассматривать как попытку возврата к унитарному государству. Она тяготеет к специфическому использованию модели «форалистического федерализма» и хорошо вписывается в характерную для России имперскую парадигму развития. Ее нередко интерпретируют как несовременную форму политического существования. Это широко распространенное убеждение основано на идеологически ангажированном и предвзятом понимании таких сложных форм политического устройства, как империи. Доказано, что федеративные империи представляют собой адекватные формы развития для больших полиэтнических сообществ и распространения цивилизаций.

Ключевые слова: государство, империя, конфедерация, республики, Россия, федерация, федерализм, цивилизация

В контексте вызовов и угроз, с которыми столкнулась Россия в 2020-е годы, проблема консолидации российского общества обрела новую актуальность. Ее решение предполагает осмысление специфики государственного устройства страны и поиска той политической формы, которая наиболее предпочтительна для сохранения этнокультурного, языкового и конфессионального разнообразия России, для эффективного управления этим разнообразием. Изучая этот вопрос, все исследователи справедливо обращают внимание на асимметричность государственного устройства современной России: деление страны на территориальные и национально-территориальные (республиканские) образования, обладающие разными возможностями и правами. Это юридически фиксированное объективное неравенство регионов в составе Российской Федерации создает предпосылки для ее неустойчивости и должно быть, по мнению некоторых специалистов (А.С. Ахиезер, В.В. Ильин), заменено унитарной государственностью. Но многие исследователи (Р.Г. Абдулатипов, Л.Ф. Болтенкова, О.В. Цветкова и др.) придерживаются противоположного взгляда. Они доказывают, что для социокультурно и конфессионально гетерогенной России симметричное административно-правовое и политическое устройство недопустимо: унифицированные политические модели не работают эффективно

и не могут гарантировать межэтнический мир и согласие. Апелляции к историческому опыту зарубежных полиэтнических стран XX–XXI столетий, которыми активно пользуются «унитаристы» и «федералисты», в этом случае не совсем убедительны: этот опыт свидетельствует о приблизительно равных возможностях сохранения этнического мира, поддержания и развития этнокультурного, языкового и конфессионального разнообразия в унитарных и федеративных государствах. Следовательно, имеет смысл обратиться к эволюции российского федерализма последних тридцати лет, интерпретируя этот процесс в диалектике естественно-исторического и проектируемого как в значительной мере закономерный (естественно-исторический) результат многовекового цивилизационно-имперского характера развития России. Начать целесообразно с уточнения используемых понятий.

Федерации и федерализм. В отечественной и зарубежной политологии нет общепринятого понимания термина «федерализм». Тем не менее большинство исследователей солидарны в том, что этот термин продуктивно использовать, включая в его содержание, «во-первых, теорию и практику формирования целостного союзного государства, образованного совокупностью политически и юридически равнозначных частей, связанных общими интересами, историческими судьбами, договорными конституционными отношениями и совместным управлением единым государством; во-вторых, форму государственности, в основе которой лежат следующие принципы: формирование геополитического пространства государства как единого целого из территорий членов (субъектов) федерации (штатов, кантонов, земель, республик и т. п.). Субъекты федерации обычно наделяются учредительной властью, обладают ограниченным суверенитетом, включая принятие собственной конституции. Компетенция между федерацией и ее субъектами разграничивается союзной конституцией. Каждый субъект федерации имеет свою правовую и судебную системы, но одновременно существует и общее федеративное гражданство» [1, с. 238].

Исторически принципы федерализма связаны с философией естественного права, теориями конституционализма, становлением первых государств и рождением института нации как согражданства представителей разных этносов и этнических групп, объединенных общей государственностью. На их основе в разное время и в разных регионах были сформированы десятки государств, которые получили название федераций. Их принято противопоставлять, с одной стороны, унитарным государствам, а с другой — конфедерациям. Например, современные Франция, Великобритания, Италия или Египет представляют собой образец унитарных государственных систем, поскольку в каждой из них обнаруживается верховный единый центр власти. Конфедерациями, например, являлись Конфедерация Соединенных Штатов Америки (1781),

Северогерманский союз (1867), старый Швейцарский союз, который существовал в 1291–1798 гг. и состоял из 13 кантонов, а среди современных — Европейский Союз, Лига арабских государств, Организация африканского единства. Их главным отличием от федераций принято считать статус федерального центра. В конфедерациях он не является носителем верховной власти, а наделен своими полномочиями по соглашению составляющих конфедерацию единиц. Отмечая относительность такого критерия, один из самых авторитетных исследователей федерализма П. Кинг писал: «Подобно тому как имеется бесчисленное множество часто несопоставимых типов централизации — децентрализации, существуют и другие критерии классификации правительств, не имеющие никакого отношения к степени централизации, и такие критерии тоже многочисленны и разнохарактерны» [2, р. 28]. Конкретизируя далее такой подход, Кинг дает следующее понимание федерации: «Это государство, которое конституционно поделено на одно центральное и два или более территориальных (региональных) правительства. Сфера ответственности центра охватывает всю нацию в целом, тогда как полномочия территорий (регионов) имеют по преимуществу местный характер. Центральное правительство не является сувереном того образца, который не допускает вовлеченности в процесс принятия властных решений региональных единиц. Это обусловлено тем, что региональные единицы конституционно инкорпорированы в центр для выполнения определенных целей — например, для решения вопросов, связанных с принципами формирования федерального законодательного органа и назначения центральной исполнительной власти или же с процедурой принятия поправок к конституции. Соответственно, в федерации суверенный элемент состоит, как минимум, из трех компонентов: центра и двух или более территориальных единиц (регионов, кантонов, провинций либо штатов). На региональном уровне политическое участие людей, проживающих в этих территориальных единицах, может быть как ограниченным и непредставительным, так и репрезентативным и широким» [2, р. 31].

Своеобразие исторического перехода к постсоветской России.

По мнению известного политолога К. Росса, специфика исторической трансформации постсоветской России состояла в том, что она в короткие сроки осуществила «двойной переход» в новое качество: одновременное реформирование и экономической, и политической сфер жизни. Поэтому, полагал Росс, ей не удалось создать устойчивую и жизнеспособную федерацию. Кроме того, исторический опыт свидетельствует, что федеративные государства основать гораздо сложнее, чем унитарные. А Россия создавала новую федеративную систему, одновременно занимаясь приватизацией экономики и перестройкой всей политической системы страны, и это чрезвычайно осложняло ее положение.

«Слабость Российского государства и федеральной Конституции, — заключал Росс, — создала ситуацию, когда федеральные власти не в состоянии были охранять и поддерживать универсальные демократические принципы на территории всей страны и защищать права граждан в регионах, где правят сегодня авторитарные лидеры... Основой отношений между центром и периферией в России стали политические и экономические связи, подменившие собой правовые и конституционные процедуры» [3, с. 17].

Действительно, несовершенство конституционно-правовой базы РФ 1990-х годов в значительной мере определяло ее неустойчивость. Помимо этого, серьезные последствия для национально-государственного единства России имел заключенный в 1992 г. Федеративный договор. В мировой практике принято подразделять федерации в зависимости от путей возникновения на две группы. Так называемые договорные федерации (США, Швейцария, Австралия) возникли в результате договора между равноправными субъектами, делегировавшими федеральному центру определенные полномочия. В таких федерациях субъекты первичны, а федерация вторична и в принципе может быть аннулирована с согласия ее учредителей. Еще одну группу составляют федерации, созданные «сверху», т. е. решением центральной власти, наделяющей территориальные единицы определенными полномочиями. Такие федерации отличаются более высокой степенью централизации управления. Но главная их особенность состоит в том, что федеральный центр в конечном счете оставляет за собой право создавать и упразднить самоуправляющиеся территории, а также менять их границы.

Исторически РСФСР (в отличие от СССР) была федерацией, образованной «сверху» решением V Всероссийского съезда Советов, принявшего Конституцию РСФСР. В результате многие народы России, либо никогда не имевшие собственной государственности, либо утратившие ее несколько веков назад, получили свою в значительной степени символическую государственность, хотя местные политические элиты восприняли ее как реальную. Подписание Федеративного договора в 1992 г. превратило Россию в договорную федерацию. Центр и субъекты федерации поменялись ролями, и теперь уже бывшие автономии стали стремиться — и небезуспешно — ограничить компетенцию центральной власти. Неужели этого нельзя было предвидеть? Разумеется, можно. Но тогда почему федеральный центр пошел на подписание Федеративного договора?

Обычный ответ — «из популистских соображений». Но это лишь одна, субъективно-мотивационная сторона принятия политических решений. Другое, более глубокое объяснение предполагает обсуждение диалектики объективного (естественно-исторического) и субъективного (конструируемого) в историческом процессе. Тогда рациональный ответ

на заданный вопрос будет таким: «Ельцин и его окружение объективно не могли предвидеть всех социальных последствий подписания Федеративного договора, так как исходили из ошибочного постулата свободной “конструируемости” социальной реальности».

Следует отметить, что представление о человеческой истории как свободно конструируемой людьми реальности — социально-философская предпосылка не только персонального сознания политических деятелей и управленцев, но и большинства теоретиков-обществоведов. Они «не видят» ограничений конструирования социальной реальности, которая формируется и развивается преимущественно естественно-историческим (объективным) образом, но осознается, как показал Маркс, в превращенных формах «кажимости». Так возникает реальное противоречие между осознанной «деятельностью» людей и объективно формирующимися «социальными структурами», которые каждое поколение застаёт уже готовыми и живет в них. Это противоречие решается осознанно-практически — путем проб и ошибок. Люди сами творят свое настоящее и будущее, в том числе на основе представлений о должном состоянии человеческого общежития. Но последствия их коллективных деяний (в силу невозможности «знать» весь объем социальных, перманентно изменяющихся связей и тем более — «волений», составляющих общество индивидов, которые принимают решения во многом спонтанно и интуитивно) оказываются совсем не теми, на которые рассчитывают строители будущего: в данном случае — строители новой Российской Федерации, которые из соображений политической тактики в преддверии принятия Конституции РФ 1993 г. подписали Федеративный договор. Позже выяснилось, что тактика эта была недальновидной.

Тактика «встречного пожара» и «параллельное право» субъектов Российской Федерации. По воспоминаниям многих участников тех событий, идея суверенизации регионов представляла собой реакцию на принятие Закона СССР «О разграничении полномочий между СССР и субъектами федерации». Этот закон фактически изымал 16 автономий из состава РСФСР, а руководство новой России пыталось сохранить их в своем составе. Борис Ельцин отмечал, что в отсутствие властных и экономических рычагов у правительства РСФСР, сосредоточенных в ЦК и союзных министерствах, он нашел нестандартное решение, в чем-то похожее на тактику «встречного пожара». Оно заключалось в предоставлении почти неограниченного суверенитета республикам. Именно этими соображениями объяснял Ельцин свою известную фразу, произнесенную в августе 1990 г. в Казани: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». И политические элиты новых субъектов РФ в полной мере этим правом воспользовались.

Федеративный договор от 31 марта 1992 г. стал первым документом в новой России, урегулировавшим разграничение предметов ведения и полномочий между центром и субъектами. Он, как известно, состоял из трех договоров, заключенных Российской Федерацией по отдельности с тремя группами субъектов. В частности, всем регионам давалось право быть самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических отношений. Но некоторые получали много больше полномочий: республики, например, в соответствии с протоколом к договору добились предоставления им не менее 50 % мест в одной из палат Верховного Совета. Тем не менее Татарстан и Чечено-Ингушетия договор не подписали. Один из авторов российской Конституции Сергей Шахрай отмечал, что, несмотря на противоречивость в практике реализации, в целом Федеративный договор сыграл положительную роль в купировании центробежных тенденций начала 1990-х годов и сохранении единой Российской Федерации. При этом «купирование центробежных тенденций» продолжалось недолго. А принятие в 1993 г. Конституции Российской Федерации мало что изменило: договорные отношения между федеральным центром и многими регионами, активно занявшимися собственным законотворчеством, в ряде моментов противоречили основному закону страны. И это «параллельное право», легитимирующее объективное неравенство регионов и в ряде случаев создающее преимущество республик перед другими субъектами федерации, постоянно провоцировало этнополитический и этнокультурный национализм, а соответственно, неустойчивость России как федеративного государства [1].

Об этом свидетельствуют сепаратистские высказывания некоторых политических активистов. Так, советник президента Татарстана Р. Хаким в 1995 г. утверждал, что в качестве «православной страны» Россия «откровенно противостоит Востоку», а от Запада ее отталкивают антилиберальные и антидемократические тенденции, будто бы органично присущие православию. По его мнению, критика Россией расширения НАТО и ее попытки укрепить СНГ основаны на исторически антизападных настроениях и восприятии федеральным центром соседних стран в качестве сателлитов. Для того чтобы подчеркнуть контраст с политикой федерального правительства, в 1990-е годы Хаким делал акцент на том, что у Татарстана нет внешних врагов, а есть собственная модель развития [4, с. 14]. Раскрывая ее содержание, известный татарский общественед Д. Исхаков писал, что российская культура, остающаяся прямой наследницей советской, очень плохо приспособлена к потребностям модернизации. И это усиливает стремление татарстанского сообщества к прямому контакту с носителями европейской цивилизации: «Геополитические приоритеты Татарстана никак не могут выстраиваться в узких рамках русско-православной Евразии» [5, с. 14].

Комментируя эту позицию, А.С. Макарычев справедливо отмечал: «В практическом плане столь серьезные разногласия Казани с Москвой выливаются в а) вполне лояльное отношение руководства Татарстана к Североатлантическому блоку и оправдание его расширения на Восток; б) скептицизм по поводу возможности стратегического партнерства РФ и КНР; в) неприятие интеграции постсоветских республик в целом и слияния России и Белоруссии в частности; г) резко отрицательное отношение к применению федеральными войсками силы в Чечне» [6, с. 92].

Возможно, глубинная причина перманентных разногласий федерального центра с регионами заключена в асимметричности государственного устройства Российской Федерации, которая, по мнению многих исследователей, должна быть устранена? «Федерализм, — подчеркивали В.В. Ильин и А.С. Ахиезер, — правильно толковать не как национально-территориальную, но как территориальную форму демократического устройства на базе волеизъявления всех (а не “титულных”) проживающих в данной административной единице граждан» [7, с. 235]. Или неприемлем сам федерализм, который должен быть заменен унитарной государственностью?

Исторический опыт и политические теории не дают однозначного ответа на эти вопросы. Многие считают, что для социокультурно и конфессионально гетерогенной федерации симметричное административно-правовое и политическое устройство недопустимо: унифицированные политические модели эффективно нигде не работают и не могут гарантировать межэтнический мир и согласие [8, 9]. Но и применяемая в 1990-е годы в РФ модель договорной федерации не только не смогла их гарантировать, а в значительной мере усугубила противоречия между федеральным центром и национальными республиками в составе РФ, выразившиеся в серьезных межэтнических конфликтах на Северном Кавказе. Тогда произошел резкий отток русского населения из национальных республик этого региона, который составил более 310 тыс. человек, в основном пришедшийся на Чеченскую Республику (210 тыс. человек) и Республику Дагестан (45 тыс. человек). За этот период удельный вес русского населения сократился до 18 %. В результате двух военных кампаний в Чечне русское население уменьшилось до 25–30 тыс. человек, большинство которых проживало в сельской местности в надтеречных районах республики. Всероссийская перепись населения 2002 г. выявила в Грозном всего 5,3 тыс. русских жителей [10, с. 71].

Показательна динамика роста построения собственной системы национального (этнического) образования, свидетельствующая о настойчивости движения республик к культурной самостоятельности. В начале 2000-х годов в общей сети образовательных учреждений

Республики Саха (Якутия) школы с родным языком обучения составляли более 40 %, Республики Башкортостан — 45 %, Республики Татарстан — 53 %, а Республики Тыва — 80 %. Кроме того, вслед за провозглашением политического суверенитета почти всеми «национальными» республиками в составе Российской Федерации были приняты законы о языках, которые (вместе с декларациями о суверенитете) в 1990-е годы стали юридической основой для проведения дискриминационной этнической политики на территории национально-государственных субъектов РФ. Фактически было осуществлено новое издание «коренизации», повлекшее за собой кадровые чистки в госструктурах, школах и вузах Татарстана, Башкирии, Якутии, других бывших автономиях [11]. Российская Федерация становилась все более гетерогенным политическим и социокультурным образованием. Осознание этого обстоятельства определило движение к новой модели федеративного устройства нашей страны.

К новой модели Российской Федерации. Переход к новой модели Российской Федерации был связан с осмыслением проблемы устойчивости государственного порядка и общественного согласия, которая не ограничена лишь национально-этнической сферой. В крупных государствах ее решение во многом зависит от способности федеральной власти управлять многонародным социумом, а эта способность начала формироваться в России лишь к началу XXI в. К тому времени государство практически потеряло управляемость и распалось на множество полунезависимых субъектов, в которых неисполняющиеся федеральные законы подменялись собственными, часто противоречащими самой сути российской Конституции. Неслучайно летом 2000 г. Конституционный суд РФ признал понятия «суверенный» и «субъект международного права» по отношению к субъектам Федерации противоречащими основному закону.

Вопреки ожиданиям, радикальные реформы 1990-х годов, включая «парад суверенитетов», не привели к сбалансированному перераспределению властных полномочий от центра к регионам. Они только усилили местные административные и финансовые элиты, крайне ослабив вместе с тем единство и целостность Российской Федерации. Это констатировал в ряде своих заявлений президент России В.В. Путин. Например, в марте 2001 г. в интервью центральным газетам он отметил: «25 % всех законодательных актов субъектов Федерации находилось в противоречии с Конституцией России и с федеральным законодательством... Во многих конституциях, уставах субъектов Федерации мы могли найти все что угодно: и международную правосубъектность, и чуть ли не собственные вооруженные силы. Не было только одного — что та или иная административно-территориальная единица является субъектом Российской Федерации» [12].

Отрицательный опыт федеративного строительства 1990-х годов в России, распад Югославской федерации, другие подобные примеры, безусловно, способствовали пересмотру Кремлем модели федеративного устройства России: в первое десятилетие XXI в. она относительно плавно эволюционировала от модели кооперативного федерализма (т. е. договорной федерации) к модели централизованной федерации — выстраиванию «властной вертикали» федеральным центром. В частности, были созданы федеральные округа, укрупнены некоторые субъекты федерации, отменены должности президентов республик. Таким образом, Россия пошла по пути использования модели фторалистического федерализма. Данная модель, не отменяя практики заключения договоров между республиками и федеральным центром и предоставляя определенные преимущества («фору») некоторым регионам страны в исключительных случаях, вместе с тем обеспечивает единый правовой статус субъектов федерации, предполагая не только расширение полномочий последних в сфере совместного ведения, но и усиление их ответственности за соблюдение федерального законодательства.

Следует отметить, что такая модель является перспективной и хорошо вписывается в характерную для России цивилизационно-имперскую парадигму развития, которая наиболее адекватна для крупных полиэтнических сообществ и распространения цивилизаций на большие расстояния [13]. Этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

Империи и цивилизации в истории человечества. Ошибочно думать, что многовековая имперскость России (как минимум пятисотлетнее воспроизводство имперских порядков жизни) свидетельствует о ее «несовременности» [14]. Это широко распространенное убеждение основано на идеологически ангажированном и предвзятом понимании таких сложных форм политического устройства, каковыми являются «империи». «Они сплошь и рядом квалифицируются как наихудшие формы правления и “тюрьмы народов”, как государства, основанные на военном и экономическом насилии. При этом благополучно забывают, что государства всех типов, в том числе и “национальные государства” Европы, многие из которых затем стали “колониальными империями”, были образованы путем войн и поддерживали свое существование путем масштабного насилия. Не случайно Ч. Тилли, блестяще проанализировавший историю формирования европейских государств, назвал этот процесс “узаконенным рэкетом”. Так что апелляция к “завоеваниям” и “насилию” как специфической характеристике империй не является аргументом для отказа от этой формы государственного устройства» [13, с. 80].

История свидетельствует: подавляющее большинство империй действительно образовывались и расширялись путем завоеваний, но их

дальнейшая судьба была связана отнюдь не с «насилием одного этноса над другими», как считают А. Абалов и В. Иноземцев, а с различными формами легитимного господства и культурного доминирования, искусным осуществлением которых можно объяснить многовековое существование большинства империй. «В контексте всемирной истории, столетиями демонстрировавшей цивилизационное многообразие, последние продуктивно интерпретировать как *большие высокоцентрализованные полиэтнические государства с “открытыми порядками жизни”*, универсальный (т. е. пригодный для многих целей) *характер которых оказывался наиболее эффективной политической формой легитимного сосуществования народов*» [13].

Разумеется, ни одно определение империи, абстрагирующееся от многообразия исторических воплощений имперских государств, не может вместить явленное веками их феноменальное разнообразие. Но, опираясь на огромное собрание научных и околонучных исторических нарративов, посвященных империям, можно без труда обнаружить, что эти, как называет их Доминик Ливен, «леопарды истории» [15, с. 682] совсем не были «дикими созданиями», стремящимися поглотить и насытиться «плотью и кровью» сопредельных с ними народов. Таковыми они выглядят лишь из пространства агрессивной геополитики. В ином горизонте исторического анализа — всемирно-исторического движения человечества от «варварских» к цивилизованным формам и порядкам совместного существования — жизнь этих «диких созданий» обретает совсем другой смысл.

Сегодня империя и соответствующие ей реалии воспринимаются многими как нечто несовременное и регрессивное, однако на протяжении столетий до и после новой эры *имперская политическая форма несла в себе позитивный культурно-исторический и социальный смысл*, утверждая в «колониях» и «провинциях» единую для всех государственную политическую идеологию и единые законы совместного проживания миллионов этнически и религиозно разных людей. Исключение составляли так называемые степные империи (Чингиз-Хана, Тамерлана и др.), милитарное властвование которых над покоренными народами не вело ни к какому (экономическому, политическому и культурному) развитию. Их правильно именовать полуварварскими «восточными деспотиями» и отличать от собственно империй. По мнению автора статьи, «“империи” от “неимперий” отличаются не формой правления и государственного устройства, а “цивилизационно”: *в истории Евразии (в меньшей степени Мезоамерики) “империи” выступали наиболее адекватной политической формой цивилизаций, были политическим способом существования и распространения разнообразных “цивилизационных моделей” жизни — форм и институтов политического, экономического, социального и культурно-духовного развития*» [16, с. 93].

Таким образом, на протяжении столетий до и после новой эры великие империи древности и Нового времени знаменовали собой первые (локально-региональные) попытки глобализации человечества, *формируя общее торгово-экономическое, политическое, культурное и коммуникативное пространство развития для миллионов разноязыких, антропологически, религиозно и культурно разных людей путем объединения их для совместной жизни в одном государстве*. На языке Броделя и Валлерстайна это пространство именуется «мир-системой», а в рамках цивилизационного подхода его определяют термином «локальная цивилизация». И в этом заключался всемирно-исторический смысл образования и многовекового существования империй: распространения *цивилизационных моделей жизни (цивилизаций)* на большие расстояния.

В чем, например, всемирно-исторический смысл образования империй Александра Македонского и великой Римской империи? Прежде всего в том, что они способствовали распространению великой грекоримской культуры и новых моделей жизни на огромных пространствах Азии, Европы и Северной Африки, получивших обобщенное название *эллинизации* (эллинизма) этих территорий. За относительно небольшое время после знаменитых походов Александра и раздела его империи диадохами на пространстве бывших сатрапий империи (Аттики, Вавилона, Великой Фракии, Египта, Сирии, Малой и Средней Азии, Пергама и др.) возникли имперские образования («царства»), в пределах которых (и между ними) образовалось относительно единое *экономическое, культурное и политическое пространство с однотипными формами ведения хозяйства, политическими режимами, культурами и базовым (древнегреческим) языком*.

Коммуникативными и экономическими скрепами этого пространства эллинистической цивилизации, справедливо отмечает Алексей Фесенко, «стали маршруты Средиземного моря, проходящие через Родос, Александрию, Карфаген и Сицилию. Движение судов базировалось на системе маяков, опоясывавших Средиземное море и выступавших технической основой эллинистической глобализации», а «интеллектуальными столпами — библиотеки Александрии и Пергама, открытые для всех свободных граждан» [17]. К этому пространству, раздвинув его границы, присоединились два сильнейших негреческих государства: Римская республика и Карфаген. «Для образованного римлянина или карфагенянина не знать эллинские язык и философию было примерно так же странно, как для нашего современника не знать английский хотя бы на уровне чтения. Свободный гражданин мог за время своей жизни сменить много государств. Повсюду он встречал примерно одинаковые города, одинаковые бытовые условия, одинаковый эллинский язык, одинаковые папирусные свитки и одинаковые политические системы —

своего рода смесь древнегреческих полисов и монархий Древнего Востока» [17].

Во времена расцвета Римской империи эллинистическая цивилизация трансформировалась в романо-греческую (латино-греческую), в пределах которой уже не только Средиземноморье и Причерноморье, но и Западная Европа стали общим хозяйственным и культурным пространством. Повсюду господствовали латинский язык и греко-римская культура, а свободный гражданин (приобретение римского гражданства было одним из основных факторов устойчивости империи) и даже «варвар» могли беспрепятственно проехать от Лондония (современного Лондона) и Лютеции (Парижа) до Александрии и Пантикапея (Керчи), от Колонии Агриппины (Кельна) до Иерусалима. Не только в Италии, но и в 32 провинциях Римской империи можно было наблюдать правовой порядок совместной жизни, верховенство закона над контролируемым обычаем самовластием, дороги и акведуки, величественные театры и цирки, общественные бани и школы, библиотеки, произведения науки и образцы техники, архитектуры, поэзии, драматургии и философии, т. е. тот мир «цивилизации», видя который прибывающие в империю из лесов и степей варвары испытывали культурный шок, сравнивая свой мир с величием «империума». И эта ситуация была характерна не только для западной, но и восточной Евразии, где также появлялись и сменяли друг друга большие цивилизации, основным политическим фактором формирования и распространения которых на значительные расстояния были империи: универсальные государства, легитимно (на правовой основе) утверждавшие в колониях и провинциях «цивилизированные модели» жизни — формы и институты политического, экономического, социального и культурно-духовного общежития и развития многонародных социумов.

Имея в виду это обстоятельство, некоторые исследователи справедливо предпочитают рассуждать не о локальных «цивилизациях», а о «цивилизационно-имперских системах» [18, 19]. Их возникновение оказывалось важным фактором мировой динамики, формируя попеременно меняющиеся «центры» международного развития: «места» военного, социально-экономического и культурного доминирования в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций. Настоящее время очевидно демонстрирует смену полюсов всемирно-исторической эволюции: переход от доминирования евроатлантической цивилизационно-имперской системы, возглавляемой США, к многополюсной системе международных отношений, ключевые позиции в которой будут, помимо «англосаксонского мира», принадлежать и другим большим «странам-цивилизациям», одной из которых является современная Россия.

В заключение следует отметить продуктивность имперской парадигмы развития, характерными чертами которой являются *многообразие форм правления* (монархия или республика) и *государственного устройства* (унитарного или федеративного), а также *наличие асимметричной системы управления* (конфессионально, лингвистически, культурно и экономически гетерогенным) *многонародным социумом*. Примером успешно функционировавшей асимметричной системы управления народами была Римская империя, а значительно позже — династическая Российская империя Романовых, где устройство Финляндии и, например, Кавказа было абсолютно разным. Асимметрично оформленной федерацией сегодня является Индия, где в зависимости от этнокультурных особенностей оформились различные системы управления и политического устройства штатов и территорий, которые складывались путем автономного конституирования отдельных этносов и культурных групп.

Современная Российская Федерация движется тем же путем, используя, как уже отмечалось, модель форалистического федерализма, суть которой заключается не только в том, чтобы предоставлять «фору» (за счет федеральных субсидий и субвенций) отстающим субъектам федерации, но и в том, чтобы делегировать им больше полномочий и «самоуправления», опираясь на человеческий потенциал регионов. Главное на этом пути — сохранять баланс федерального централизма и регионального (политического, экономического и социокультурного) разнообразия, не забывая, что «усредненные» гетерогенные федерации СССР и СФРЮ распались, а Россия в ходе специальной военной операции 2022 г. не только сохранила, но и упрочила свою целостность, наглядно продемонстрировав военный порыв своих «национальных» батальонов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гранин Ю.Д. *Нации, национализм и федерализм. Опыт философско-методологического исследования*. Калуга, Эйдос, 2002, 260 с.
- [2] King P. *Federalism and Federation*. London, Croom Helm, 2000, 159 p.
- [3] Росс К. Федерализм и демократизация России. *Полис*, 1999, № 3, с. 16–27.
- [4] Хаким Р. Россия и Татарстан: у исторического перекрестка. *Панорама-Форум*, 1997, № 11, с. 5–15.
- [5] Исхаков Д. Модель Татарстана: «за» и «против». *Панорама-Форум*, 1995, № 2, с. 10–18.
- [6] Макарычев А.С. Федерализм эпохи глобализма: вызовы для региональной России. *Полис*, 2000, № 5, с. 85–96.
- [7] Ильин В.В., Ахиезер А.С. *Российская государственность: истоки, традиции, перспективы*. Москва, Изд-во МГУ, 1998, 382 с.
- [8] Абдулатипов Р.Г. *Россия на пороге XXI века: состояние и перспективы федеративного устройства*. Москва, Славянский диалог, 1996, 253 с.

- [9] Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф. *Опыты федерализма*. Москва, Республика, 1994, 318 с.
- [10] Суций С.Я. Русское население городов Северного Кавказа: демографическая динамика XIX — начала XX в. *Вестник Академии наук Чеченской Республики*, 2018, № 4, с. 66–73.
- [11] Гранин Ю.Д. Проблема формирования «российской нации». Коммуникативный аспект. *Вестник Академии медиаиндустрии*, 2022, № 2, с. 131–153.
- [12] Владимир Путин. Мы сделали шаг на пути консолидации общества. URL: https://toz.su/arkhiv/?ELEMENT_ID=57076 (дата обращения 20.12.2022).
- [13] Гранин Ю.Д. Бесконечная имперскость России. Цивилизационное измерение. *Вопросы философии*, 2022, № 9, с. 76–86.
- [14] Абалов А., Иноземцев В. *Бесконечная империя. Россия в поисках себя*. Москва, Альпина Паблицер, 2021, 426 с.
- [15] Ливен Д. *Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней*. Москва, Европа, 2007, 678 с.
- [16] Гранин Ю.Д. Имперский характер России: исторический тупик или «окно возможностей»? *Журналист. Социальные коммуникации*, 2022, № 3, с. 85–104.
- [17] Фененко А. «Черные лебеди» глобализации. *РСМД*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chernye-lebedi-globalizatsii/?ysclid=lbhwafqu78245054706> (дата обращения 20.12.2022).
- [18] Ильин М.В. Patrimonium et imperium: метаморфозы двух прототипических порядков в зеркале эволюционной морфологии (часть 1). *ПОЛИТЭКС*, 2014, т. 10, № 3, с. 5–21.
- [19] Ильин М.В. Patrimonium et imperium: метаморфозы двух прототипических порядков в зеркале эволюционной морфологии (часть 2). *ПОЛИТЭКС*, 2015, № 1, с. 5–24.

Статья поступила в редакцию 16.01.2023

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Гранин Ю.Д. Федерализм и цивилизационно-имперская парадигма развития России. *Гуманитарный вестник*, 2023, вып. 1.

<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2023-1-821>

Гранин Юрий Дмитриевич — д-р филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. e-mail: maily-granin@mail.ru

Federalism and civilizational-imperial paradigm of development of Russia

© Yu.D. Granin

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 109240, Russia

The paper analyses the basic principles of federalism and the main transformation stages of the state structure of the Russian Federation (1992–2022). During this period, the country evolved from the cooperative federalism model, i. e. the treaty federation, to the centralized federation model. This model should not be considered as an attempt to return to a unitary state. It gravitates toward specific use of the foralistic federalism model and fits perfectly into the imperial development paradigm being characteristic for Russia. The model is often interpreted as the outdated form of political existence. This widespread belief is based on the ideologically biased and prejudiced understanding of such complicated forms of political organization as empires. It is proved that federal empires are the adequate forms of development for large multi-ethnic communities and civilizations spread.

Keywords: *state, empire, confederation, republics, Russia, federation, federalism, civilization*

REFERENCES

- [1] Granin Yu.D. *Natsii, natsionalizm i federalizm. Opyt filosofsko-metodologicheskogo issledovaniya* [Nations, nationalism and federalism. Experience of philosophical and methodological research]. Kaluga, Eydos Publ., 2002, 260 p.
- [2] King P. *Federalism and Federation*. London, Croom Helm, 2000, 159 p.
- [3] Ross C. Federalizm i demokratizatsiya Rossii [Federalism and democratization in Russia]. *Polis*, 1999, no. 3, pp. 16–27.
- [4] Hakim R. Rossiya i Tatarstan: u istoricheskogo perekrestka [Russia and Tatarstan: by the historic crossroads]. *Panorama-Forum*, 1997, no. 11, pp. 5–15.
- [5] Iskhakov D. Model Tatarstana: “za” i “protiv” [Tatarstan model: pros and contras]. *Panorama-Forum*, 1995, no. 2, pp. 10–18.
- [6] Makarychev A.S. Federalizm epokhi globalizma: vyzovy dlia regionalnoy Rossii [The federalism of the epoch of globalism: the challenges for regional Russia]. *Polis*, 2000, no. 5, pp. 81–97.
- [7] Ilyin V.V., Akhiezer A.S. *Rossiyskaya gosudarstvennost: istoki, traditsii, perspektivy* [Russian statehood: sources, traditions, perspectives]. Moscow, MSU Publ., 1998, 382 p.
- [8] Abdulatipov R.G. *Rossiya na poroge XXI veka: sostoyanie i perspektivy federativnogo ustroystva* [Russia on the verge of the XXI century: state and perspectives of federal organization]. Moscow, Slavyanskiy Dialog Publ., 1996, 253 p.
- [9] Abdulatipov R.G., Boltenkova L.F. *Opyty federalizma* [Experiences of federalism]. Moscow, Respublika Publ., 1994, 318 p.
- [10] Sushiy S.Ya. Russkoe naselenie gorodov Severnogo Kavkaza: demograficheskaya dinamika XIX — nachala XX v. [Russian population of North Caucasian cities: demographic dynamics of the 19th – early 21the century]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoy Respubliki — Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*, 2018, no. 4, pp. 66–73.

- [11] Granin Yu.D. Problema formirovaniya «rossiyskoy natsii». Kommunikativnyi aspekt [Problem of forming the “Russian nation”. Communicative aspect]. *Vestnik Akademii Mediaindustrii*, 2022, no. 2, pp. 131–153.
- [12] Vladimir Putin. *My sdelali shag na puti konsolidatsii obshchestva* [We have taken a step towards the consolidation of society]. Available at: https://toz.su/arkhiv/?ELEMENT_ID=57076 (accessed December 20, 2022).
- [13] Granin Yu.D. Beskonechnaya imperskost Rossii. Tsivilizatsionnoe izmerenie [The endless imperality of Russia. The civilizational dimension]. *Voprosy filosofii (Problems of Philosophy)*, 2022, no. 9, pp. 76–86.
- [14] Abalov A., Inozemtsev V. *Beskonechnaya imperiya. Rossiya v poiskakh sebya* [Infinite Empire. Russia in search for itself]. Moscow, Alpina Publisher Publ., 2021, 426 p.
- [15] Lieven D. *The Russian Empire and Its Rivals from the Sixteenth Century to the Present* Yale University Press, 2002 [In Russ.: Liven D. Rossijskaya imperiya i ee vrugi s XVI veka do nashikh dney. Moscow, Evropa Publ., 2007, 678 p.].
- [16] Granin Yu.D. Imperskiy kharakter Rossii: istoricheskiy tupik ili “okno vozmozhnostey”? [The imperial character of Russia: a historical impasse or “a window of opportunity”?]. *Zhurnal. Sotsialnye kommunikatsii — Journalist Social Communications*, 2022, no. 3, pp. 85–104.
- [17] Fenenko A. “Chernye lebedi” globalizatsii [“Black swans” of globalization]. *RSMD — RIAC*. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chernye-lebedi-globalizatsii/?ysclid=lbhwafqu78245054706> (accessed December 20, 2022).
- [18] Ilyin M.V. Patrimonium et imperium: metamorfozy dvukh prototipicheskikh poryadkov v zerkale evolyutsionnoy morfologii (chast 1) [Patrimonium et imperium: the metamorphosis of two prototypical orders in the mirror of the evolutionary morphology (part 1)]. *POLITEKS*, 2014, vol. 10, no. 3, pp. 5–21.
- [19] Ilyin M.V. Patrimonium et imperium: metamorfozy dvukh prototipicheskikh poryadkov v zerkale evolyutsionnoy morfologii (chast 2) [Patrimonium et imperium: the metamorphosis of two prototypical orders in the mirror of the evolutionary morphology (part 2)]. *POLITEKS*, 2015, no. 1, pp. 5–24.

Granin Yu.D., Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. e-mail: maily-granin@mail.ru